

ОПТИМИЗМ ИЛИ ПЕССИМИЗМ?

Тархова Л. П.

ФГБНУ «Центр защиты прав и интересов детей»
редактор

Наш сегодняшний гость – человек, который знает многое как о прошлом, так и о будущем Земли, а значит, и о нашем с вами будущем тоже. Акоп Погосович Назаретян – доктор философии, психолог, антрополог, директор Центра мегаистории и системного прогнозирования Института востоковедения РАН; автор книг, переведенных на разные языки, последние из них: «Антропология насилия и культура самоорганизации», «Нелинейное будущее», главный редактор журнала «Историческая психология и социология истории».

– Каждый человек хочет быть счастливым, но дается это не каждому. Тютчев вообще утверждал: «На свете счастья нет, а есть покой и воля». Сегодня с волей (здесь поэт понимал, конечно, волю как свободу) у нас – большие проблемы. А уж о покое и говорить трудно, когда вокруг только и звучит: кризис, кризис, кризис... Экономический, экологический, общемировой... Как жить? Ведь другой жизни нам не дано.

– Жизнь вообще складывается из кризисов. По-моему, сейчас особенно важно понимать, что прогресс всегда был и остается выбором меньшего из зол. Мир устроен так, что решая одни проблемы, мы создаем новые, еще более трудные.

Вот посмотрите, сегодня небывало возросла ценность индивидуальной жизни, и развитие медицины – производная этой общекультурной тенденции. Средняя продолжительность жизни увеличилась за последние 200 лет в четыре раза, детскую смертность мы высчитываем уже не в процентах, а в промилле. Потрясающий прорыв в развитии гуманистической культуры! А плата за это – демографический взрыв, социальные потрясения, вызванные резко возросшей долей молодежи. И, главное, накопление генетического груза. Каждое поколение биологически слабее предыдущего и все сильнее зависит от искусственной среды: медицины, гигиены, бытового комфорта.

А беспримерный рост образования, доступность информации – просветители XVIII века о таком и не мечтали! Но обратная сторона медали – необычайное удешевление новейшего оружия, которое становится все доступнее для террористов. Как писал еще в 2000-м году один программист, XX век был веком оружия массового поражения, а XXI станет веком «знаний массового поражения». Вполне возможно, что

в скором будущем для тотального разрушения цивилизации не потребовалась бы атомная война и прочие кошмары из арсенала прошлого века.

– *Вы, фактически, говорите о близком конце света. И Нострадамус, и Ванга, и многочисленные прорицатели правы – человечеству грозит смертная беда? Почему эти разговоры стали так популярны именно сейчас?*

– Об этом говорили всегда. Но сегодня для подобных настроений есть некоторое научное объяснение. В последние полтора десятилетия учеными разных специальностей в Австралии, России и США почти одновременно – и независимо друг от друга – сделано интереснейшее открытие. Расчеты этих исследователей показали, что эволюция на Земле ускоряется, причем, в строго гиперболической последовательности. То, что темп нарастает, замечали и раньше. Новым было вот что: во-первых, ускорение охватывает не только социальную историю, как предполагалось раньше, но всю историю биосферы. При этом интервалы между глобальными катастрофами регулярно сокращаются.

Каждый из ученых, независимо проводивших расчеты, поддался соблазну экстраполировать полученную им гиперболу в будущее. И у всех получилось одно и то же: около середины текущего века гипербола, то есть кривая, сворачивает в вертикаль. Что будет дальше, ученые могут только предполагать. Ясно одно: тенденция, сохранявшаяся миллиарды лет, исчерпана. Представьте себе ножницы, острием поставленные на стол. Куда они упадут? Это пока не знает никто. Собраны доказательства того, что эра стихийной эволюции Вселенной подошла к завершению, и дальше она, видимо, может быть только управляемой. Но для этого необходимо сознание, способное выдержать неограниченный рост технологической мощи, не разрушив своих оснований. Ведь именно неадекватное сознание раз за разом становилось причиной антропогенных катастроф.

– *Историю ученые рассматривают как серию катастроф?*

– Нет, конечно, но революционные скачки, обеспечивавшие развитие, всегда предвараются катастрофами. Стихийные бедствия производили чудовищные разрушения, но не давали качественного развития. А вот когда активность биосферы или общества так изменяла среду, что «жить по-старому» становилось невозможно, – тогда могло образоваться новое качество. Правда, далеко не всегда. Большинство очагов цивилизации рухнули под грузом последствий недалеконвидной деятельности человека.

– *Какая цивилизация имела шанс выжить?*

– Развивая технологии, люди впадали в эйфорию от своих достижений и не умели предвидеть последствия их применения. Выживали лишь те социумы, которым удалось подверстать под новые технологии культурные регуляторы – ценности, мораль, право. В результате мы фиксируем одно парадоксальное и, в общем, обнадеживающее обстоятельство. С развитием технологий и увеличением демографической плотности такое дело, как убийство, становилось вроде бы более простым. Но специальные расчеты показывают, что реально коэффициент кровопролитности общества (отношение среднего числа убийств в единицу времени к численности населения) последовательно снижался на протяжении тысячелетий. Это одна из глубинных коллизий в истории человечества, одна из его главных побед – или удач? – то, что человек оказался способен разумно уравновешивать растущее технологическое могущество.

Хотя слишком часто он ведет себя слишком агрессивно, причем, без основательной причины. У диких животных, чем выше естественная вооруженность, тем прочнее инстинкт торможения внутренней агрессии. Народная мудрость давно уже этот феномен засекла. «Ворон ворону глаз не выклюет» – говорят русские; «собака собаку не ест» – англичане; «два шила друг друга не уколют» – испанцы; «собака собаке ногу не отдавит» – армяне.

– А человек человеку – легко. Почему люди порой ведут себя менее благородно, чем те же вороны или собаки? Почему люди стреляют друг в друга? Откуда в них столько агрессивности?

– Многие философы, психологи, даже поэты пытались объяснить злобность, агрессивность человека внешними причинами. Ему тяжело живется: «Собака бывает кусачей только от жизни собачьей». Если вовремя дать ей сосиску, она станет доброй. Будь они правы, ситуация была бы значительно менее опасной, чем в действительности. Но, к сожалению, исследования показывают: агрессивность имеет очень глубокие корни. Агрессивность – глубинное, очень естественное свойство живого существа, и задача вовсе не в том, чтобы ликвидировать ее как таковую. Без агрессивности нет жизни, это основа активности. Без агрессивности не было бы ни юмора, ни дружбы, ни стремления к самоутверждению. Вопрос в том, как умножить способы ее сублимации. Людвиг ван Бетховен, например, обладал очень высоким уровнем агрессивности. И оставил после себя потрясающей силы музыку. Внешние условия могут агрессивность усиливать или ослаблять, окрашивать в светлые или темные тона, но она от природы присуща человеку, этот инстинкт умирает в нем последним.

– Люди пока не умеют командовать этим процессом – направлять агрессивную энергию только в светлую сторону.

– Крупнейший австрийский психолог Конрад Лоренц высказал очень тонкую мысль: беда человека в том, что он не обладает натурой хищника. Парадоксально? Тем не менее, в природе устроено именно так: чем больше животное «вооружено» и потому опасно для окружающих, тем более мощный у него инстинктивный запрет на убийство себе подобных. Слон, который никого не боится, самое добродушное существо. Волк в драке с другим самцом останавливается, когда видит первую кровь врага; он победил, и этого более сильному достаточно, он не добивает слабого, он уходит. А человек произошел от весьма безобидного австралопитека, и он не наделен инстинктом сдерживания против себе подобных.

И дорого за это платил во все времена. Два с половиной миллиона лет назад обитатели Олдовайского ущелья в Африке, научившись заострять галечные отщепы, создали самые первые искусственные орудия труда, за что их называли *Homo habilis*, Человек умелый. И все черепа, найденные археологами в Олдовае, расколоты внешними ударами!

– Волк в этой ситуации выглядит примером для подражания. Но выходит, беда человека, грубо говоря, не в том, что он способен звереть без особой причины, а в том, что в нем недостаточно зверя?

– Примерно так. Но уже далекие предки человека изобрели механизм сдерживания – протокультуру, протомораль. Она не похожа на современную мораль. Агрессивность, воинственность сдерживалась лозунгом «Не убий своего!» Агрессия переноси-

лась на внешний мир – на чужаков, на природу. Во времена верхнего палеолита люди, научившиеся мастерить копья, дротики, повели себя – в который раз! – необычайно амбициозно. Они уничтожали целые стада мамонтов, строили жилища из мамонтовых клыков – с претензией на «роскошь». Духовная такая потребность – показать себя, свое могущество. Люди той эпохи полностью уничтожили мамонтов, пещерных медведей, некоторые породы диких лошадей. Затем стали интенсивно уничтожать друг друга. В результате население средних широт Евразии сократилось в десять раз! И это только один из многих кризисов, пережитых человечеством.

– *А чем закончилась история кровожадных олдовайцев?*

– Согласно наиболее разработанным гипотезам, их спас ... невроз. У Человека умелого патологически развилось воображение, а с ним и зачатки анимистического мышления, веры в духов: они стали приписывать мертвым способность к мщению. Мистический страх стал первым искусственным ограничителем убийства, из него же впоследствии развились не только многообразные практики посмертных ритуалов, но также забота о больных, раненых, о калеках. Археологи фиксируют: уже в нижнем палеолите (питекантропы) наравне со здоровыми членами племени жили и явные инвалиды, а в среднем палеолите (неандертальцы) и вовсе недееспособные, некондиционные особи.

Для дикой природы это нонсенс, «биологическая несообразность»; в природе невозможно и развитие воображения. Мечтательная косуля, задумчивый лев – не жильцы. А для гоминидов, агрессией загнавших себя в западню, такая вредная мутация оказалась спасительной.

– *До первого кризиса?*

– Сначала – плоды революционного рывка. Потом да, кризис. За которым – его разрешение. Вот, например, переход от бронзовых орудий к железным, сделавший оружие дешевым, доступным, в очередной раз поставил человечество на грань пропасти. И оно сумело ответить на эту опасность. Появились Заратуштра, Сократ, Будда, Конфуций. В Иудее, Иране, Индии почти одновременно возникают удивительно похожие процессы: люди начинают жить по новым моральным нормам. Если раньше египетские, ассирийские государи с садистическим вожделием приказывали высечь на камнях: я истребил столько-то человек, сжег столько-то городов, то «новые» люди уже не видят в количестве убитых критерия воинского мастерства и повода для похвальбы. Они способны почувствовать жалость к излишне истребленным. Это историческая сенсация! Никогда прежде такого не бывало. После каждого кризиса культура полностью преобразуется – и преобразует человека.

– *Который тут же доводит достижения до своей противоположности. И сейчас в обществе накопилась усталость от этих кризисов, агрессивности...*

– Да, мы переживаем достаточно нервный период. Но вся история доказала: когда сильно приспичит, человечество умеет удивительно быстро мобилизоваться. Не так давно один ученый на симпозиуме сказал: экологический кризис – это хорошо! За ним другие: «Это прекрасно», «Это – последний шанс для человека не стать собственным могильщиком». И в этих словах есть смысл.

Во время кризисов решающую роль играет психология. Для психолога «угроза» и «опасность» – не синонимы. Угрозы окружают нас везде и всегда, но опасность определяется тем, насколько мы готовы ей противостоять. Опасность возрастает, когда мы либо не замечаем угрозу, либо ведем себя, как обреченная жертва. По поводу реальных проблем полезнее не истерию нагнетать (конец света! апокалипсис!), а исследовать механизмы преодоления кризисов, чем и занимается наш Центр мегаистории и системного прогнозирования в Институте востоковедения.

Мы видим: уже есть довольно много симптомов, что очередной вызов человечеством принят. Никогда прежде не было такого, чтобы самые разрушительные средства, уже имеющиеся в распоряжении военачальников, в течение десятилетий не применялись по назначению. И второй важнейший фактор. До недавнего времени люди очень плохо умели объединяться, не противопоставляя себя кому-то. Все коалиции начинались с вопроса: против кого объединяемся? Против кого будем дружить? Но в последние десятилетия появляются союзы, не направленные против третьей стороны. Возникают высококомпромиссные экономические системы, сочетающие поощрение сильных с защитой слабых. Все более ясным становится, что циничная политика, в конечном счете, оборачивается против того, кто ее проводит. Короче говоря, агрессивность – это не константа. Она очень сильно варьирует в зависимости от многих факторов. Скажем, агрессивность живых существ усиливается при концентрации. При неопределенности. Это особенно чувствительно для нас, выросших при социализме, то есть, в сверхопределенной среде.

Перестройка – это была, наравне со многими важными завоеваниями, и неопределенность.

– Многие тоскуют по этой определенности. Точное знание, что до пенсии ты доживешь в этом НИИ или на этой фабрике, пусть даже с мизерной зарплатой, очень успокаивало.

– До перестройки западным фирмачам, журналистам, работавшим у нас, доплачивали, как в Африке доплачивают за работу в условиях плохого климата и тяжелой эпидемиологии. Я поинтересовался: за что доплата? Выяснилось, все очень просто – за бессобытийность. Для здоровья европейского человека бессобытийная среда просто опасна. Мы-то свои стрессы получали – хотя бы в тех же очередях, во время проработок на партийных собраниях, а наши родители – ночами, ожидая страшного стука в дверь. Западным гостям было тяжело читать наши газеты, из которых можно было узнать только то, что план страна в очередной раз перевыполнила.

Надо отдать должное – Сталин, Геббельс, вся эта компания гениально работала с агрессивностью. Ее направляли на врагов народа, на инородцев, тратили на бесконечный примитивный труд. Только при социализме – или при рабстве – можно рыть такие длинные каналы, копать такие глубокие котлованы, выпускать безумное количество тракторов. Зато все стабильно. Сегодня самое тяжелое для большинства – стресс неопределенности.

Людам, привыкшим тратить силы и творческие возможности на пробивание стены, было непросто переключиться на нормальное строительство собственной жизни. Как в начале перестройки выросла преступность! Был откат из театров, музеев. А теперь –

что творилось на выставках Серова, Айвазовского! Попробуйте попасть в Российскую государственную библиотеку – бывшую «Ленинку» – не простояв в очереди пару часов! Как-то хотел взять Шпенглера, сложнейшего философа. Книги не оказалось ни в одном зале, все были заняты. Люди думают, вынашивают какие-то идеи... Это, кстати, тоже снимает агрессивность.

– *А занятие бизнесом?*

– В общем, да, это одно из воплощений творчества. Правда, никакому творчеству, искусству еще не удавалось полностью принять на себя потребность в острых ощущениях, заблокировать побуждения к агрессии со знаком «минус», увы. Но появляются все новые и новые технологические приемы, например, все эти компьютерные игры, они могут снять часть напряженности.

– *Скажите, каким вы лично видите будущее? Вы оптимист или пессимист?*

– Пессимизм, оптимизм – это, я думаю, формы фаталистического мировоззрения. В кризисные моменты очень важен конструктивизм. Хочу я, чтобы моя страна, моя цивилизация на Земле выжили – я действую. В рамках своей компетенции честно выполняю свою задачу. В бифуркационных фазах резко возрастает роль случайности, то есть каждого индивидуального решения. Грех не воспользоваться этим шансом.